
Ю_ШУТОВА
СИРЕНЬ ДЛЯ СОНКИ

Сирень для Сонки

Жанр произведения: Другое
Произведение написал автор BookBox yushutova
Ссылка на публикацию

Сонка махала мне рукой. С высоты небольшой скалы, зубом торчащей из воды, хорошо было видно и саму девушку, и прозрачную морскую синь. Намного ниже Сонкиных ног колыхалась медуза, она была слишком глубоко и не казалась опасной. Вдруг из-за белесого купола метнулся полупрозрачный силуэт, я даже не понял, вынырнул ли он снизу или наоборот, облачной тенью скользнул поверху. Сонка поплавком ушла в воду. Без всплеска, раз и ушла, как была с поднятой рукой, так и провалилась. Когда крупная рыба хватает приманку на крючке, поплавок вот так же резко ныряет вниз.

Не раздумывая, я сиганул со скалы. Ныряльщик из меня аховый, просто бухнулся неуклюже, дрыгая ногами. Сквозь пузыри пробитого солнцем аквамарина камнем пронесся вглубь — судорожно сократился купол медузы, ушел в сторону. Воздух пробкой вылетел из легких, водная толща сдавила уши. Еще чуть-чуть и я задергаюсь, как запутавшийся в сети катран, запаникую, забуду про Сонку и рвану вверх.

***

Мы приехали сюда, в Новый Свет в самом конце апреля, когда повсюду бушевала крымская сирень, и в ее зарослях целыми днями надрывались, запуская рулады, соловьи, ночи им было мало. Очень романтичное время. И мы, все трое, и я, и Костик, и Сонка, настроились на эту романтическую волну. Ну мы-то с Костиком точно оба были влюблены в нашу лаборантку-биолога, а вот она, не знаю. Но пользовалась беззастенчиво. Отказавшись от всякой субординации, она, самый младший член нашей команды, называла нас мальчиками, просила принести ей в лабораторию свеженького кофейку, переставить какие-нибудь ящики и... Еще немного, и она бы заставила нас чистить клетки ее любимым мышам и крысам. Кто знает, может, мы бы и согласились. Мы таскали ей сирень охапками, осыпали конфетами и чурчхелой, заскакивали в ее мышиное царство то с нарзаном, то с пончиками – распускали хвосты и призывно чирикали, до соловьев нам было далеко.

Ее звали София Жилевич, но она всегда представлялась Сонкой. Не Соней-Сонечкой-Сонькой, а именно Сонкой. Куда подевалась мягкость звука «н», понятия не имею, но это имя, звонкое и солнечное удивительно ей шло.

Разлохмаченная светлая стрижечка, едва заметные веснушки на носу, глаза цвета гречишного меда, всегда готовые к улыбке, ладненькая фигурка. Стандартный костюмчик лаборанта — голубенький комбез — своей незамутненной небесностью подчеркивал ее солнечность. В нерабочее время девчонка щеголяла в невообразимо пестрых сарафанчиках. Из перемешанной каши отливающих неоном кругов и треугольников было просто невозможно вычленить какой-то основной цвет. На шее у нее всегда болтались веселенькие бирюзовые бусики. По-моему, она никогда их не снимала. Не удивлюсь, если и спала в них. Задумываясь, теребила пальцами, иногда, уставившись в экран визора, анализирую очередной мышиный скрининг, закусывала зубами бусину.

Ну как мы, молодые парни, обреченные на цельнодневное, практически круглосуточное влияние Сонкиных лучей, могли не влюбиться?

— Ты представляешь себе всю грандиозность замысла? Это же фантастика! Это такие горизонты! — Костик моет кормушки для мышей и, поведя рукой для демонстрации этих самых горизонтов, разбрызгивает во все стороны капли воды, — вот мы из Питера в Симферополь сколько летели? Два часа. Раньше, вообще говорят, три часа надо было добираться. Да еще в аэропорту туда-сюда, да от Симферополя до Нового Света... А тут раз, шагнул в телепорт где-нибудь в Купчино и почти мгновенно оказался... да хоть вон, в Делилиманской бухте.

Он выглядывает в открытое окно: далеко внизу под горой серпом охватывают бухту два мыса Капчик и Чикен. Над водой скользит крохотный экраноплан. Красиво. Сонка, принимая из мокрых Костиковых пальцев пластиковые кормушки, хихикает:

— Шагнул под зонтом в Купчино, вышагнул в плавках на пляж. Семимильные сапоги.

— Зря смеешься, — притворно обижается мой приятель, — очень правильная ассоциация. Недаром проект сей назван «Скороход». Это наш уважаемый босс, месье Смекалкин-Монтариоль, придумал, — он назидательно поднимает указательный палец, — и вот что я тебе скажу, Сонка...

Костик не успевает ничего больше сказать, потому что вмешиваюсь я, и властью начальника группы изгоняю своего друга, инженера-технолога Константина Шеина из Сонкиных владений. Работать надо!

— Шеин, вернитесь на свое рабочее место, — строго говорю, сдвинув брови, — в ваши обязанности не входит мытье мышиной посуды. Лучше трассировкой лучей займитесь, модулятор опять барахлит. Забыл, что ли, охламон, сегодня т-

переход. Сонка, как наша Фиона? Готова?

Костик, приложив ладонь к пустой голове, щелкает пятками:

— Слушаюсь, начальник! Разрешите бегом?

Вот любит он такие шуточки: вытаращит оловянными пуговицами серые глаза свои, прямо унтер Пришибеев какой-то. Или того лучше, начнет мелко кланяться, заглядывать снизу с заискивающей улыбочкой, зашепчет: «Не гневайся, батюшка, на холопей своих неразумных. Сечь, сечь вели!»

Я похлопываю его по плечу:

— Называй меня Платон Игоревич. Или просто: господин Граневецкий. Усвоил? Легкий поклон в знак уважения приветствуется.

Утаскиваю Костика прочь, махнув лаборантке:

— Ты тоже поторопись. Два часа осталось, а данные по скринингу объекта в Центр не отправлены. Совсем вы у меня обленились. Переведу на казарменный режим, будете знать.

Когда на Земле получили то, чего в космосе навалом, частицы с отрицательной плотностью — это был научный прорыв. Ученым – респект и уважуха. Теперь не только математическую модель проходимой кротовой норы построить можно[1], не только в виртуалке-игрухе побаловаться. Теперь эту самую нору, червоточину Морриса-Торна, можно в реале открывать. В принципе из любой точки в любую. Но от научного прорыва до банального бытового использования, как говорил классик, дистанция огромного размера. И вот тут уж, господа высоколобые академики, извините-подвиньтесь. Тут уж дайте дорогу нам, инженерам. Это мы превращаем постулаты науки в штуки, работающие на благо человека, создаем доступные технологии. А тот, кто владеет технологией, тот всегда на шаг впереди. Наш босс любит повторять. И я с ним полностью согласен. Однажды планету покроет сеть телепортов, как сейчас покрывает сеть аэропортов. Тогда мгновенное перемещение станет привычной реальностью. Давным-давно люди писали письма на бумаге, и те долго шли через руки почтальонов. Потом, тоже давно, электронные письма стали практически мгновенно доходить до адресата. Это сейчас кого-то удивляет? Нет. Привыкли. Вот и телепортинг станет привычным.

Хотя, это я размечтался. Не для цивилов мы эту штуку изобретаем. Не для легкости путешествий к пляжам. Наш «Заслон» — предприятие оборонное. Да какое сейчас не оборонное. Пусть нынче и улеглось, но двести пятьдесят лет

перманентных конфликтов, холодных, горячих, бесконечных терактов, партизанщины, миротворцев, несущих смерть — это еще долго будет выветриваться из генетической памяти человечества. И вряд ли выветрится полностью. Два с половиной века мы колбасили планету, как умели. Крушили города, подрывали чужие экономики, резали карту на кусочки, переклеивали ошметки стран, как придется. Пока конфликты из международных не превратились во внутренние, гражданские, этнические. Пока насыщенным паром недовольства и протестов не стало срывать крышки с кастрюлек-государств. Пока улицы не родили новых лидеров, шагнувших с асфальта в кабинеты правительств.

Теперь-то мы все заняты исключительно собственными мелкими проблемками и радостями, а на соседей наплевать. Щебечем, как птицы на заре, радуясь солнцу, себе любимым и тому, что ночью нас не сожрали втихаря хищные твари. Но про оборону не забываем. А то мало ли... Так что, скорее всего, первой из портала выйдет колонна солдат в экзоскелетах и с бластерами наперевес. Но это уже не моя печаль. Работаем!

Искин[2] начал отсчет. Долгий, полуминутный. Всегда в последний момент на что-нибудь эти секунды понадобятся. Мы втроем у камеры, четвертый член команды, серая крыса Фиона в красной сбруйке с латунным колокольчиком, внутри. Камера т-перехода, а правильнее, модуль транспортировки, слегка напоминает взорварщуюся помесь скороварки с доисторическим ламповым визором. Или как они там назывались? Телики что ли? Эксперименты не сразу ладно пошли, пришлось весь модуль, что в цехах нашего объединения сделан, разобрать до винтика, до последней микросхемки, и заново собрать. У Костика руки золотые. Если я могу разработать подобную штуковину, изобрести и спроектировать, но только виртуально, голова есть, а руки не из того места растут, то инженер-технолог Шеин любую хреновину лучше заводских роботов соберет, хоть с микродеталями, хоть с нано. Правда, внешний вид модуля восстановить не удалось. Ну и ладно, так ремонтировать или дорабатывать удобней.

Мы с Костиком вдвоем составляем одного гениального инженера. Так еще в Универе было, когда учились, так и теперь, когда на «Заслон» пришли. Нам повезло: руководитель проекта «Скороход» Смекалкин-Монтариоль нас сразу под свое крыло взял. Он человек маститый, член всяческих академий и лауреат всего, что из наград предусмотрено, но считает, что надо молодых двигать, в них, то есть и в нас с Костиком, дескать, интеллект непуганый гуляет. Не зацикленный на уже достигнутом. Способный на неожиданные открытия. А интеллект рождает мощь. Во как! И в проекте наш босс задействовал этот самый

интеллектуальный молодняк. Разбил нас на троечки-группы и разогнал по стране, по базам — исходным точкам для экспериментальной транспортировки, для прорытия кротовых нор. А сам остался в питерском Центре на приеме. Баз, таких, как наша, по карте раскидано пара дюжин, от Калининграда, до Курил. И опять же нам повезло: могли бы где-нибудь в унылой тундре оказаться, а мы вон где, на курорте, считай.

Теперь бы еще нынешний т-переход гладко прошел. Крыса в сбруйку выряжена не для красоты. Сегодняшний этап — совместное перенесение живого объекта и мертвой материи. Пока только по отдельности посылали. Мыши с крысами голышом ходить привыкли, а вот людям, как минимум, одежда полагается. Плюс они обожают с собой всякую хурду таскать: уникомы, визоры, ключи и прочее, и прочее, и все такое прочее. И как будут себя вести связанные объекты? Одинаковая ли у них скорость внутри червоточины? А если шмотки хоть на квант отстанут? Что ж мы из модулей транспортировки голышом будем выскакивать? Экое непотребство.

— Ноль, — отсчет закончился.

Открылся портал — белое, по краям отдающее синевой кварцевой лампы, свечение сошло с контура камеры, практически мгновенно сколлапсировалось в центре и исчезло. Вместе с ним исчезла и крыса. Сигнал о т-переходе ушел в Центр.

И тут же пришел ответ. Вернее, вопрос: «Где объект? Переход не прошел! Повторите переход!»

А что мы можем повторить? Фионы-то нет. Отсюда ушла, до Центра не добралась. Мы с Костиком переглянулись.

— Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, — пробормотал мой друг.

— Сбежала! — Сонка прижала ладошки к щекам, — опять сбежала.

— Что значит «опять»? — удивился я.

— Понимаете, мальчики, она уже дважды от меня удирала. Первый раз из аквариума. Фиона свой домик, коробочку картонную, до стенки аквариума дотолкала и с него через край сиганула. А я ей птичью клетку купила в городе, думала: не вылезет. Так она, видимо, подсмотрела, как я открываю, и сама крючок откинула. И вот опять...

— Ты думай, что говоришь-то, — я прямо обозлился на нее за такие глупости, — куда она в червоточине могла сбежать? Дыру прогрызла? Создала крысиную

нору?

Покрутил пальцем у виска:

— Дура совсем? Соображалка, как у мышей твоих. Двоичная, только на «да» и «нет» рассчитана.

Сонка обиженно уставилась мне в лицо. Глаза круглые, и уже слеза копится. Не ожидала, что я могу быть таким злым и грубым. То сирень ее любимую приносил, цветочки всякие безымянные, то, здрасьте-приехали, дурой обозвал. Она по-детски шмòркнула носом и убежала.

— Плакать пошла, — сказал Костик, — зачем ты ее так? Биолог не обязан разбираться во всяких там скалярных полях, гравитациях Граусса и квантовых запутанностях.

Он сидел возле кабины в уютном кресле. Моем, между прочем, руководящем, пардон, руководительском кресле. Спокойненько так сидел, перекинув ногу на ногу. Только что не насвистывал. У нас ЧП, а ему хоть бы хны. Такого еще не бывало. Поначалу многие мыши погибали в процессе транспортировки, неживые объекты разрушались. Потому мы с Костиком и перебрали установку. И вроде все наладилось. Но чтоб так?! Куда могла исчезнуть крыса из червоточины?

— Ничего, поплачет, не растает, не снегурочка. А ты-то чего расселся7 — я перенес свою злость на новый объект, — это твоя работа: за камерой следить, я просил провести проверку. Ты провел? Или тебе важнее кормушки мышиные чистить? Может, тебя в помощники лаборанта перевести?

Костик равнодушно пожал плечами:

— Я проверил. Все нормалёк. Считай, что сбой входит в статистическую погрешность. Сейчас отчет в Центр отправлю. Пусть месье Смекалкин--Монтариоль кумекает. У него ж опыта больше. И головы две, по одной на каждое полуфамилие.

Вот это Костиково «ж опыта больше» меня как-то тормознуло. Злость моя, разогнавшись, хлопнулась в стену и убилась, рассыпалась бренчащими обломками. Если уж обвинять, так начинать с себя: я руководитель группы, значит, и ответственность на мне. И Костик делал то, что я велел. И Сонку я зря обидел.

— Ладно. Пока Центр разбирается, даю всем выходной. И давайте завтра в бухту спустимся, позагораем, поплаваем. А то лето проходит, а мы море только из окон видим. Идет?

С утра, пока не особо припекало, мы были в Царской бухте.

***

Меня утягивало вниз, в зеленую морскую глубь. Я забил руками и ногами, пытаясь двигаться вверх, к пробивавшемуся сквозь толщу воды свету, к воздуху, к жизни. Но ничего не вышло, я шел на дно, будто меня тащили на веревке.

Вдруг вода кончилась.

Пролетев метра три, я больно треснулся задницей о твердую и холодную, как лед, поверхность. Какой-то прозрачный коридор, как бывает в океанариумах – над головой и под ногами проплывали рыбы, совершенно не обращая на меня внимания. Собственно, ни стен, ни потолка видно не было, они были абсолютно прозрачны, просто там, снаружи, была вода, а здесь, внутри — воздух. Один конец коридора оканчивался ярким белым светом. Ярким, но не слепящим. И каким-то плотным на вид. Но это не была стена. Свет жил сам по себе. Именно жил, выглядел живым. Не знаю, как объяснить. Это было ощущением.

И туда, к свету, бодро убегал от меня высокий человек, голенастый и худой, голый и бледный до легкого голубого оттенка, как мартовский снег у Левитана. Через плечо у него было перекинуто безжизненное Сонкино тело, руки ее колыхались в такт бега этого странного человека. Нитка бирюзовых бус съехала на мокрый затылок. Заорав что-то матерное, я бросился следом. Заорал, но не услышал сам себя. Голосовые связки смыкались, губы двигались, рот открывался, а звука не было. Как во сне — пытаешься кричать, а толку ноль. И бежали мы как-то странно: синхронно выбрасывая вперед ноги, как атлеты на древнегреческих вазах. Быстро бежали, но недлинный коридор все не кончался, свет не приближался и расстояние между мной и беглецом не сокращалось. Сколько это длилось? Не знаю. Не уверен, что время вообще существовало в том месте.

И вдруг, будто грубая склейка двух кадров, этот бледный оказался далеко впереди, перед самым светом. Он обернулся и выставил средний палец. Потом помахал ладошкой и навзничь рухнул в сияние. Оно вспыхнуло нестерпимой, режущей глаз белизной, и схлопнулось. В то же мгновение коридора не стало, стены исчезли, и со всех сторон на меня хлынула морская вода. Подхватила, завертела, поволокла вверх.

***

Белый свет проникал сквозь веки. Это единственное, что я ощущал. Ни тела, ни того, что его окружало, не чувствовалось. Но то, что свет проникает именно сквозь веки, мои веки, я уже понял. И вскоре вернулось восприятие всего остального: я жив, я есть, я в сознании — пора открывать глаза.

Палата. Почему больничные палаты устроены так, что сразу понимаешь, что это не просто комната? Даже кусок стены или потолка, первыми попавшиеся под взгляд, сразу определяются как больничные. Может, просто подсознательно зная, что произошло что-то неправильное, опасное, ждешь, что очнешься именно в палате?

Кто-то касается моей руки, лежащей поверх одеяла. Поворачиваю голову — Костик. Он сидит на стуле рядом с моей кроватью. Лицо у него осунувшееся, в глазах серыми осенними лужами – тоска. Почему я сразу определяю ее причину?

— Сонка? Что с ней? — голос мой сух и коряв, как ноябрьский лист, он царапает мне гортань.

Костик молча мотает головой. Я пытаюсь вспомнить последние события: неудачный переход с пропажей лабораторной крысы, выходной на пляже, Сонка, поплавком ушедшая под воду. Что дальше? Я прыгаю со скалы, бьюсь об воду, меня тащит подводным течением… Потом белый свет. Белый свет сквозь закрытые веки. Больше никаких воспоминаний? Нет, погоди-ка. Белый свет — сияние в туннеле, бледная фигура… Но картинка рассыпается небрежно сброшенным со стола пазлом. Не помню.

Теперь я лежу в нашем медблоке, база «Заслона» — вполне автономная структура, здесь есть все и для жизни, и для борьбы за нее, если что.

— Что произошло вчера, Костик?

Почему я решил, что вчера? Может быть, только что?

— Не вчера, Платоша, — отвечает мой друг, — не вчера. Ты уже неделю в ауте. Если совсем точно, восемь суток в регенерационной капсуле. Когда тебя вытащили спасатели, твой мозг был в стадии умирания, ты около часа провел под водой. Но, как видишь, удалось восстановить все функции. Так что, с днем рождения.

— А Сонка?

Он опять помотал головой:

— Ее унесло в какую-то пещеру, пока нашли, пока вытащили… Поздно. Ничего не удалось сделать.

— А где… — я хочу спросить, где ее тело, но не могу выговорить это слово, потому что теперь понятие «тело» никакого отношения не имеет к Сонке, живой и яркой, теперь это просто материальный объект, объект мертвой материи.

— Ее уже похоронили. Здесь, внизу. Колумбарий городского кладбища, ячейка пятьсот десять.

Он быстро сменил тему:

— На базе работает новая группа. Сам понимаешь, нашу расформировали. Мне разрешили дождаться твоего воскрешения. Теперь можем возвращаться в Питер. И чем скорей, тем лучше, — он вздохнул, — не могу я здесь, Платон. Давай, ты быстренько встанешь с этой долбанной койки, и мы уедем.

С койки я встал, но по результатам обследования моего воскресшего организма искин-медик разрешил отъезд лишь через три дня. С искусственным интеллектом не поспоришь, он всегда уверен в своей правоте и чужд сомнениям.

Оставшееся время я собирался проваляться на диване в своей комнате. Выходить не хотелось. Пытался читать, смотрел в окно на безмятежную синеву моря, отнявшего у меня любимую девушку. Теперь я всерьез был уверен, что любил Сонку по-настоящему. С Костиком мы не виделись, он, наоборот, болтался по горам, бродил узкими тропами, спускался в Долину Ада, поднимался к Чертовым Рогам и на пик Космос. Не сиделось ему дома.

Но уже вечером я пошел к Сонке. Внутренний двор городского колумбария напоминал старинное аббатство: крытая галерея, тонкие опоры колонн, фонтан, печально журчащий посреди квадратного атриума. Только стена галереи — сплошные ячейки с портретами-голограммами. Лица, лица… Женские и мужские, веселые и серьезные, молодые и не очень… Я нашел пятьсот десятую ячейку и вызвал голограмму: босая девушка в пестром сарафанчике шла по кромке моря. Она прижимала к уху пустую раковину рапана, и по лицу ее блуждала задумчивая улыбка. Что ты слышишь там, Сонка? Я положил возле ячейки ветку махровой сирени. Конечно, эта сирень, сотканная на биомолекулярном принтере, была не совсем настоящей: и соцветия чуть ярче, и запаха почти нет. Но какая сирень в июле? А мне хотелось принести ее самые любимые цветы.

Следующим утром я зашел в биолабораторию. Даже не знаю, зачем. Что я хотел там увидеть? Что могло там остаться от Сонки?

Новая лаборантка Ирочка, полноватая, томная девица, возилась с пробирками.

— Привет, — я огляделся по сторонам, — а что это у тебя? Вместо канарейки?

На кронштейне, торчащем из стены висела птичья клетка. В ней сидела большая серая крыса.

— А, эта, — Ирочка улыбнулась, — я зову ее Рапунцель. Или Партизанкой. Постоянно пытается сбежать. Даже когда я клетку повесила. Знаешь, захожу, а дверца открыта, и эта сидит такая на краю, грустная. Летать еще не научилась.

Я подошел вплотную к клетке. Крыса внимательно посмотрела мне в глаза, пошевелила усиками, принюхиваясь. «Она уже дважды от меня удирала», — прозвучал в голове Сонкин голос. Фиона? Где-то между лобными долями щелкнул переключатель: я видел крысу. Видел после нашего провального перехода, но до того, как очнулся в медблоке. Я видел что-то еще.

Кого-то. Костика!

Костик сидит в круглом кресле, в руках у него серая крыса в красных перекрещенных ремнях, как любительница БДСМ-атрибутики. Может быть, я переставляю события местами? Так гораздо логичнее: сначала Костик с крысой, потом т-переход, потом Царский пляж, Сонка, я тону, потом воскресаю. Нет! Не так, я абсолютно уверен, последовательность следующая: т-переход — пляж — Костик — воскрешение.

Значит, между белым сиянием подводного коридора и ударившим в мои веки дневным светом была не только кома в капсуле. Была светящаяся пустота и в ее фокусе мой приятель, крыса и я.

Пойти и поговорить с ним: пусть объяснит, что за хрень я помню.

Но Костик смотрел на меня как на психа:

— Платоша, ну ты с дуба рухнул что ли? Какие коридоры, какие бледные фигуры? Обычная клиническая смерть со всеми своими белендрясами: туннельное зрение, восхождение к свету, ангел до кучи. Меня ты видел? А кто вокруг тебя, утопленника, метался, не я ли? Крыса ему примерещилась! А сам Смекалкин-Монтариоль в нимбе набекрень и с лирой под мышкой тебе не являлся? А мог бы. Со старика станется.

От моих слов он отмахивался. Да и мне самому аргументы типа «видел-помню» уже казались смехотворными. Мало ли что может нарисовать мозг, переживший клиническую смерть, кому и воскрешение.

И все же…

Свой бег за голым мужиком, тащившим на плече Сонку, я помнил явственно. Вот он оборачивается и машет мне на прощанье, вот меня захлестывает вода. Стоп! Что-то показалось мне неправильным. Я еще раз прокручиваю картинку: безгубая ухмылка, как ножевой порез, пересекает бледную физиономию, презрительно выставлен средний палец, взмах ладонью. Вот оно! На ладони шесть пальцев – четыре одинаковых по длине и два симметрично отставленных больших.

А еще была пустота. Белый свет, настолько яркий, что казался звенящим. Снег. Откуда снег в крымском июле? Снег скрипит под пятками. Камера перехода. Морская синь за выпуклым стеклом. Рыбья недовольная морда перед глазами. Дым. Черный безнадежный дым пожара. Поджога. Люди. Чужие.

Что это были за ошметки? Мыслей? Воспоминаний? Видений агонизирующего мозга? Но крыса была слишком материальной, слишком живой. Я выложил серую фигурку на мысленном столе и стал собирать вокруг нее свой рассыпанный пазл.

Я шатался по базе сомнамбулой, искал ключи-зацепочки — напрягал мозг, выуживал из подсознания картинки, звуки, чувства.

Захожу в рекреацию. Из огромного, во всю стену аквариума на меня равнодушно пялится акара с расчерканной бирюзовыми штрихами физиономией. С угла на угол проносится стайка ярко рыжих миноров. И вдруг мир выворачивается наизнанку — и это уже я мечусь в воздушной капсуле, а снаружи на меня взирают круглые рыбьи глаза. Стряхиваю наваждение. В этот момент раздается приветливый голос искина:

— Внимание! Идет эксперимент. Начинаю тридцатисекундный отсчет. Тридцать, двадцать девять…

Новая команда работает. А меня вдруг посещает мысль: «Зачем так долго? Хватило бы и десяти секунд». С чего бы это? Разве когда-нибудь мы включали такой короткий отсчет?

Спускаюсь в эллинг. Вот экраноплан, небольшой, как раз на троих, на нем мы в Новый свет или в Судак мотались. А вот подводный модуль, за все время работы, мне как-то не пришлось на нем проехаться. Провожу рукой по выпуклому,

оранжевому, как апельсин боку подводника. Поднимаюсь по лесенке, заглядываю в люк. Если я никогда не был внутри, откуда я знаю, как тут все устроено?

Пазл сложился.

Но это надо проверить. Если Костя Шеин врет мне, то искин-медик лгать не будет, искусственный интеллект к сему не приучен. А вот и ответ на мои сомнения — запросил даты собственной госпитализации и получил: уложили меня в регенерационную капсулу пятнадцатого июля в три пополудни, а утонули мы с Сонкой накануне часов в одиннадцать утра. Куда подевались сутки с лихом? Теперь я знал, куда.

***

Вода вытолкнула меня на поверхность, я, кашляя и отплевывая соленый черноморский бульон, погреб к берегу.

— Костик, Сонку украли! — орал на бегу, сбивая ступни о камни пустого, заповедного для простых смертных, пляжа.

Перепуганные глаза моего друга, трясущийся подбородок, серое от страха лицо. Он, оттолкнув меня, бежит к воде, останавливается, хрипит:

— Как?

— Черт знает, — развожу руками, — козел какой-то утянул под воду, открыл портал т-перехода и свалил.

Вот тогда Шеин не говорил, что мне померещилось, не крутил пальцем у виска, и даже не кинулся нырять – спасать утонувшую девушку. Он только спросил:

— Где?

Я ткнул пальцем:

— Там. Я на Черепахе сидел. Она рядом плавала.

Плоская скала Черепаха была от нас далековато, возле оконечности мыса Капчик. Костик, прикрыв козырьком ладони глаза, глянул на камень, будто пытался там разглядеть что-то.

— Кость, может, метнемся, позырим, чего там как?

Костик ткнул пальцем в уником и вызвал модуль-подводник.

Рыжий бочонок всплыл неподалеку от пляжа минут через пять, тут от базы идти-то… Мы не стали ждать, пока он дотянет трап-понтон до берега, сиганули в воду, требовалось немедленное действие, движение, разрядка. И вот уже модуль скользит вдоль подводной части Капчика, продырявленной, как изъеденная древоточцами доска.

Ничего не нашли. Пещера, другая, третья… Равнодушные рыбешки, колыхание медуз. Ничего подозрительного, чужеродного. А чего я ожидал? Найти брошенную камеру т-перехода? Табличку: «Осторожно! Телепорт может открыться в любой момент»? Или наоборот: «Здесь ничего нет»?

Мы вернулись на базу.

Надо было отправить в Центр докладную: лаборант-биолог София Жилевич утонула (исчезла, украдена неизвестными, растворилась в морской воде) — я не знал, что писать. Да и не хотел. В голове упрямым ослом, не желавшим сдвинуться с места, засела мысль: надо открыть портал т-перехода там, под водой, пройти по нему и найти похищенную девушку. Почему нора должна открываться именно оттуда, почему она приведет меня к Сонке, не задумывался. Мне необходимо было действовать, а не рассуждать. Возможно, инженер Граневецкий просто рехнулся. Костика я не нашел, тот, подхватив рюкзачок, ушел в горы — его собственный способ лечить душевные раны — мог бродить там сутками, без уникома, недосягаемым.

Модуль транспортировки был достаточно вместительным, мы отправляли и крупные объекты, правда, неживые. Если скрючиться на корточках, я помещусь. Всю ночь и половину следующего дня я перенастраивал камеру т-перехода. Если бы рядом был Костя с его гениальными пальцами, получилось бы быстрее. Точка доставки задавалась простыми, хотя и очень точными координатами геолокации с поправкой на этажность Центра — такая математическая 3D-картинка. Теперь я рыл нору, ориентируясь, как такса, по запаху. Ну почти. В качестве финиша я загрузил данные биоскрининга Сонки, ее портрет на генетическом уровне. В памяти искин-медика хранились наши скрининг-карты, оттуда я и скачал нужные мне данные. Если сработает, это будет новое слово в разработке телепортинга — шаг, и ты в объятиях искомого объекта. Червоточина Граневецкого. Звучит, правда? А если не сработает, меня разнесет на кванты, как несчастную Фиону.

Сначала, само собой, потренировался на мышках. Загрузил свой «портрет», сунул мышь в камеру и дернул рычаг. Получилось с пятого раза. Прямо у меня в руках материализовалась белая кроха. Живая, в отличие от предыдущих. Глянула на меня красными бусинами глаз и принялась расчесывать шерстку —

прихорашиваться. Есть контакт! Теперь отсоединить всю шарманку от сети, притаранить в модуль-подводник, запитать от генератора. Поехали!

Я встал там, где, по моим представлениям, было белое свечение чужого т-перехода, прямо под Черепахой. Забрался в камеру и включил отсчет. Короткий, всего на десять секунд. Кто знает, за полминуты стандартного отсчета, я мог бы и передумать.

— Ноль, — безучастно произнесла система, и мир схлопнулся.

***

— Приветик.

Этот голос я рассчитывал услышать меньше всего. Я шел от края к центру сферы. Шел, переставлял ноги, но хоть какого-то пола под подошвами не чувствовал, словно шагал по пустоте. То, что вокруг меня пространство, замкнутое в сферу, я решил, не основываясь ни на чем. Да и было ли это пространством в привычном понимании? В фокусе сферы стояло... Висело? Болталось? Круглое кресло. В нем, вальяжно раскинулся Костя Шеин, держа в ладонях серую крысу в красной сбруйке.

— Где это мы? — единственное, что я догадался спросить.

— Пузырь Граневецкого. Отклонение от червоточины. Топологический феномен пространства-времени.

— А почему моего имени?

— Ты открыл, описал, вот и дали пузырю твое имечко.

— Когда это я успел?

— В будущем, дружище. Относительно той точки времени, когда тебя угораздило раскурочить модуль транспортировки, в будущем.

Так, значит, идея моя не сработала. Вместо того, чтобы вывалиться к Сонке, где бы они ни была, занесло меня в какой-то идиотский межпространственный пузырь. Костик, словно подслушал мои мысли:

— С той хреновиной, что мы с тобой испытываем, невозможно выйти на заданный физический объект. Работы старика Цайлингера[3] вспомни, он хоть и давно все свое сказал, но мало, где ошибся. Ни Алиса не попадет к Бобу, ни Боб к Алисе[4]. А вот оказаться между всем – запросто. Вот, — он приподнял крысу,

— сначала бедолагу Фиону сюда занесло, теперь тебя.

— А тебя?

Костик пожал плечами:

— Я сам пришел. Вас возвращать.

Я сел на… не знаю, на что… на пространство под ногами, на пустоту. Сел, короче. Второго-то кресла не предлагалось. А стоя впитывать такие новости сложно.

— Послушай, Костик, я правильно понял, что это с нашим экспериментальным модулем невозможно выйти, как ты говоришь, на заданный объект? А с неким другим можно? Это первое. И второе, вот это твое «сам пришел», это как? Провел рукой по воздуху, и сияющий портал перехода открылся? Как этот, Мерлин? Или Гэндальф? Вечно их путаю.

Он расстегнул ветровку, сунул крысу за пазуху. Посмотрел на меня долгим взглядом. В глазах его серыми тучами проплывало сомнение. Потом уставился вверх, будто там в белой беспространственной пустоте кто-то мог подсказать ему ответы. Снова перевел взгляд мне в лицо. Хлопнул ладонями по подлокотникам, выдохнул:

— Ладно, расскажу. Все равно…

Что все равно, не добавил. Я думал, что услышу лекцию про грядущие возможности т-перехода, но мой друг бухнул совсем другое:

— Сонку не вернуть. Она теперь, — голос его придавило, слова с трудом продрались сквозь связки, — уже и не Сонка.

— А кто ее? Ты знаешь?

Он кивнул. И столько безнадежности было в этом простом движении, что я сразу поверил ему. Поверил в то, что еще не прозвучало.

— Она теперь ретранслятор.

— Э-э-э? Не понял… Какой еще…

Костя перебил:

— Обычный. Ну не совсем обычный. Ретранслятор идеи, мыслепотока. Надо, пожалуй, объяснить тебе. Вот все войны, что так жарко разгорались, вдруг как-

то сошли на нет. Все, условно говоря, махнули рукой и разошлись по домам. Почему? Как думаешь?

Я пожал плечами: при чем тут войны, что закончились уже полвека назад.

— Надоело, вот и закончились.

— А почему надоело? — Костя надавил на слово «почему».

— Устали. В воздухе носилось: пора бросать это гнусное дело, вот и бросили.

— Верно. Но идея не просто так витала в воздухе. Ее туда загрузили.

— В воздух?

— Не ёрничай. В ноосферу, в антропосферу, в эгрегор, в логоматрицу, выбери любое название. Оно не имеет значения. Теперь ты спросишь: кто. Не знаю. В смысле не знаю, кто они — инопланетники, гости из будущего, может вообще мировой разум, сама эта долбанная ноосфера.

— Это шестипалые что ли? Ну тот мужик, который Сонку уволок, он из них?

Костик грустно улыбнулся и помотал головой:

— Неа, это просто служба доставки. Курьер. А сами кураторы... Я ж говорю, не знаю, кто они.

Я разозлился: сидит тут во внепространственном пузыре, в кресле вольготно раскинулся и пули мне в уши заливает. Кураторы, эгрегор, ретранслятор идеи. Бред какой! А я адептом-неофитом у его ног сижу — внимаю.

— Костя, ты мне мозги мылить прекрати. Кураторами своими. Ты сам-то кто? Ты, вообще, как сюда явился, если я камеру перехода из лабы уволок. Другой в окрестностях нет. Меня, дурака, сюда вынесло, крысу тоже. Это я понять могу: ошибка эксперимента. А ты?

Он наклонился, теперь его глаза упирались прямехонько в мои. Там, в его серых глазах, мело холодным снегом, там не было ничего от знакомого мне Костика, балагура и весельчака, вчерашнего студента. Там была чужая боль, старая, покрывшаяся запекшейся коркой наста. Ледяная.

— Я консьерж. Это работа моя — двери открывать. Таких заблудших, как вы с Фионой, обратно на божий свет вытаскивать. Мало ли умников, что дыры в пространственно-временном континууме ищут, через всякие стоунхенджи пытаются в прошлое или в шамбалу-мамбалу махнуть. Зависают в таких

пузырях, а мне вызволять. Неоплачиваемая, кстати, должность. И отпусков не дают. Я знаешь, когда умер? Еще при Иоанне Васильевиче, царе-батюшке, чтоб его собаки на том свете грызли.

Он так и сказал: «когда умер», не «родился», а именно «умер». И прозвучало это «умер» как «началось». Началось со смерти — не с рождения. Он рассказывал короткими фразами, скупо, без эмоций, а я смотрел в его холодные глаза и видел.

Я видел снег. Мартовский снег, скованный коркой наста, жесткого, острого на изломе. Режущего босые ноги. Жадно впитывающего кровавые капли. Я видел женщину с посинелым младенцем, прижатым к вывалившейся из рваной рубахи груди, растрепанную и избитую, с пустыми глазами. Девочка лет пяти, тоже босая, тоже в одной исподней рубашонке, жмется к ней, подвывает от ужаса, но матери все равно. Она уже мертва, и тот десяток шагов, что осталось пройти до исходящей паром полыньи, делает только ее искореженное тело, а душа... А душа уже слетела, нет ее здесь. Женщина не видит гогочущих опричников в черных кафтанах. Не чувствует горького запаха дыма, что поднимается над провалами крыш, над разграбленной усадьбой. Не слышит хрипов висящих на крестах.

Я смотрел на нее глазами Костика, молодого боярина Шеина, распятого рядом с отцом и братом. Смотрел на своих жену и дочь, делавших последние шаги к холодной бездонной могиле. Хрипел, посылая проклятья кровососу, прячущему под мономашьей шапкой жажду сеять смерть, отнимать жизни, пожирать их. Тело мое выгибалось от острой боли, разум накрывала пелена, плотная и красная, как колпак палача. Я умирал. Уже почти умер, агония открыла дверцу: лети, душа, прощай.

Душа не успела.

На растерзанный, сгорающий болью мозг рухнуло Знание. Раздавило бетонным многотонным блоком. Размазало.

И я вынырнул. Голым и грязным, как висел на кресте. На берегу Клязьмы, посреди городского парка в Химках. Там, где когда-то стоял мой дом, родовая усадьба бояр Шеиных. Вынырнул, прекрасно зная, где и, главное, когда. И кем. Консьержем, тем, кто обязан открывать и закрывать двери, спонтанные т-переходы. И не может отказаться.

Я встряхнулся мокрым псом, сбрасывая одурь, картинка рассыпалась пестрыми брызгами. Передо мной снова был Костик.

— И давно ты, это… вынырнул?

— Не особо. Лет сорок-сорок пять. Я не считаю. Бессмысленно считать вечность.

— Ну хорошо, — я не унимался, — кураторы, консьержи, курьеры. Допустим, я всосал инфу и уверовал. А ретранслятор? Можно поподробнее?

— Да чего уж, — Костя криво ухмыльнулся, недобро как-то, — раз пошла такая пьянка… Мы говорим: идеи носятся в воздухе, идея овладела массами. Но вот, чтоб идеи хватило на большие массы, ее, идеи этой, должно быть много. Чтоб овладеть массами, идея должна достичь критической массы. Тавтология! Но верная. Вот тут и вступает ретранслятор, который передает идею в… ну пусть, ноосферу, а оттуда ее разносит по головам. И лучше, чем человеческий мозг, ретранслятора не найти.

— Ты хочешь сказать, что где-то кто-то транслировал через человечий мозг идею о прекращении войны?

— Ага.

— А Сонка для чего? Для каких идей?

— Элементарное размножение. Ты в курсе, что население планеты начало неуклонно снижаться?

Конечно, я был в курсе. Не то чтобы следил, но иной раз выплывали пред мои ясные очи испуганно заикающиеся статейки. Про то, что нас уже всего три с половиной миллиарда. Что еще сто-сто пятьдесят лет, и мы пройдем точку невозврата. Девальвация культуры, атомизация личности, вся эта возня со свободами и выбором гендеров, поколения детей, выращенных в госприютах, где им вбивалось в головы: вы не женщины и не мужчины, вы пустая оболочка, что туда залить, выбираете сами. Силикон в лифчиках, пластик в трусах. А любовь? Разве такое существо неопределимого пола можно желать? Феромоны на справляются. Доигрались, короче. Даже Африка не спасает. Там тоже с ростом цивилизованности, все меньше интереса к примитивному размножению. Столько всего успеть надо: карьера, активитэ̀, путешествия, борьба за то и за это — не до детишек.

— И Сонка…

— Ну да, транслирует идею семейных ценностей, — Костик закивал головой.

— А почему именно она?

— Ну знаешь?! Уникальная потому что. Многое должно сойтись: возраст, психотип, характеристики проводимости мозговых оболочек, генетический слепок, до хрена всего. На всю нашу вымирающую планету, видать, она одна подходящая.

Он еще раз хлопнул ладонями по подлокотникам:

— Ладно, пошли что ли. Разоткровенничался я. Тяжело, знаешь, все время в себе держать.

Он ничего не сделал: никаких пассов, прочерченных в пустоте врат, вспышек, как в модуле перемещения. Кажется, я моргнул, и вот вокруг биолаборатория нашей базы. Мыши любопытно шевелят усиками за стеклами аквариумов. Костик вытащил из-за пазухи крысу и сунул ее в птичью клетку:

— Добро пожаловать домой.

— Слушай, Костик, я ж подводный модуль бросил. Там, под Черепахой. Вернуть надо.

— А, — он, не оборачиваясь, шел к выходу, — ну иди, возвращай.

И я оказался там, откуда попытался допрыгнуть до Сонки, в камере т-перехода на подводном модуле. Я с трудом выкарабкался из тесной коробки, все-таки надо было делать ее пообъемнее.

Загнав модуль-подводник в эллинг, вылез наружу и вновь наткнулся на Костика, он, явно, поджидал меня.

— Пошли, — говорит.

И все. Воспоминание закончилось. Дальше — белый свет сквозь веки на койке медблока.

Уж не знаю, да, признаться, и знать не хочу, какую хрень он сотворил с моим несчастным мозгом, что пришлось проваляться в капсуле регенерации целую неделю. Что он там развалил, пытаясь вытравить воспоминания. Но не срослось — я все-таки вспомнил.

***

Вспомнив, я вновь пошел к городскому колумбарию. Отключил голограмму бесконечно бредущей по краю прибоя Сонки. Отпирая замок погребальной камеры, я знал, что найду там пустоту. И увидев урну, серебристую посудину,

напоминающую элитную банку для крупы, я охнул. Минуты две стоял и смотрел на нее, раздумывая: закрыть дверцу камеры или открыть урну? Потянул посудину на себя — внутри что-то забренчало. Отвернул крышку — беленькая фарфоровая мышка на дне. Больше ничего. Шуточки у тебя, Костик!

Я постарался больше с Шеиным не встречаться. Запросил перевода куда-нибудь подальше и уже на следующий день вылетел на Алтай на такую же базу. Теперь у меня была своя тема: пресловутые пузыри, что обещали присвоить себе мое имя. Бывший приятель вернулся в Питер, в Центр под крыло месье Смекалкина-Монтариоля.

Время шло. Я руководил экспериментами программы «Скороход», писал статью о своих пузырях или, если точнее, о топологическом феномене провисания пространственной червоточины для «Reviews of Modern Physics»[5].

Время шло, но ничего не лечило: Сонка по-прежнему брела по краю прибоя, по краю моего разума, бередила душу своей улыбкой, своей недоступностью. Возможно, если бы она умерла... Просто умерла, как приходится всем на этой планете, утонула бы тогда в этой чертовой бухте, мне было бы легче. Она бы стала всего лишь воспоминанием. Но мысль о том, что где-то, кто-то... Что ее разобрали, как старый радиоприемник, что превратили ее в прибор... От слова «ретранслятор» меня коробило.

Чике-Таман, перевал, около которого была наша база, укрылся осенним пледом. Золотели пихты, побуревшие склоны кровавили яркими ягодами барбариса. Внизу ниткой бирюзы голубела Катунь, как бусы на тонкой Сонкиной шее. Иногда я спускался на берег. Просто посидеть на камне, под шум воды выбросить из головы все мысли — проветрить мозги.

Там он меня и нашел.

— Привет, — раздалось за плечом, и, обернувшись, я увидел Костю Шеина.

Хороший костюм, дорогие модные туфли. Будто шагнул сюда прямо с Невского. Хотя, примерно так и было. В руках у него был какой-то большой кофр, абсолютно не гармонировавший с прикидом денди.

— Наше вам с кисточкой, господин консьерж, — мне хотелось быть грубым, ну хотя бы пренебрежительным: чего, мол, приперся, не звали тебя.

И в то же время, где-то на периферии сознания сквозь злость остренько укололо любопытством. Чего это он ко мне? Что ему надо? Ведь надо же что-то, не просто в гости зашел.

— Я тут подумал... — он бросил свой кофр наземь и уселся на него, — Сонку можно вытащить.

Выбрал местечко прямо передо мной, так чтобы иметь возможность смотреть мне в глаза. А смотреть убедительно, убеждающе, он умел, этого не отнять. Я попытался выглядеть равнодушным, типа: тебе надо, ты и вытаскивай, я-то тут при чем, мне фиолетово. Пожал плечами, губы сложил презрительно-наплевательски:

— Слушай ты, расчеловеченный прислужних этих, как их, — махнул рукой, — да не важно кого, чего ты ко мне-то? Ты ж у нас всесильный открыватель порталов. Открывай и вали спасать, вытаскивать. А я муравьишка мелконький, безмозглый, мне ли тягаться с надчеловеками. Сейчас втянешь меня в свои игры бесовские, а потом опять будешь мне мозги выжигать. Нет уж, хватит. Я к тебе не нанимался, в кабалу не продавался, господин боярин. Сам-то что, боишься, что ли?

Шеин потер ладонями щеки, будто грим стер. Лицо у него усталое, осунувшееся. Заработался, видать, мой бывший приятель под крылом у начальства. Глаза мутные — ил со дна поднялся, мусор всплыл — черные точки по серой радужке. Больные глаза, виноватые, как у брошенной собаки.

— Не боюсь. Не могу. Хотел бы, но... Я консьерж, я по эту сторону. Не могу туда пройти.

Он замолчал. Я ждал. Догадывался. Нет, уже понял, зачем он пришел.

— Но я могу открыть дверь тебе.

Вот и прозвучало. Бери, Платоша, ноги в руки, вали туда, не знаю, куда, совершай подвиг. Спасай принцессу, тащи ее в зубах, клади к ногам хозяина.

Мы скрестили взгляды. Острые и холодные, как шпаги. И ничего от прошлой дружбы в них не было.

«Я могу открыть дверь тебе», — балестра[6] и быстрый выпад.

«Зачем тебе какая-то девчонка?» — приз де фер[7], сдерживаю его натиск.

«Я люблю ее. По-настоящему. Никого не любил с тех пор, как...» — дрожь клинка.

«Хочешь, чтобы я ишачил на тебя? А мне это на кой ляд?» — контратака, сейчас я добью его.

«Ты тоже. Ты тоже любишь Сонку», — кулѐ[8] и ответный удар.

Тушѐ[9]. Клинок вылетает из моей ладони. Я опускаю глаза.

Этот поганец победил. Если он нашел возможность вытащить Сонку, я сделаю все. Все, что он скажет.

Шеин встал и открыл свой кофр. Вытащил и встряхнул комбез, серебристый, радужно переливающийся. Заговорил быстро, чтобы я не успел перебить, передумать.

— Я не знаю, где это, не знаю, что там. Земля это, космос или опять же пузырь вне континуума. Есть ли там воздух, излучение, еще какая хрень. Поэтому вот.

— Это что?

— Унизак. Универсальный защитный костюм. В нем хоть в космос, хоть на океанское дно, хоть в жерло вулкана. Отражает любое излучение, выравнивает давление, температуру и всякое такое, — вслед за костюмчиком достал из кофра что-то вроде мотоциклетного шлема, с которого свисали какие-то короткие кишки, — вот еще набалдометр с функцией регенерации кислорода. Никаких баллонов, вдыхай сколько влезет, выдыхай сколько вылезет. Сплошной комфорт. Курорт в индивидуальной упаковке. Мечта любого исследователя новых горизонтов. Завтрашний день технологий. Или послезавтрашний.

Передо мной снова был тот же Костик, которого я знал несколько месяцев назад: балагур, любитель дурацких словечек и шуточек. Только я не хотел видеть в нем прежнего приятеля.

— Чудо недружественной техники? — спросил я, вертя в руках серебристое яйцо шлема, — а принцип работы? А ограничение по времени использования?

— Обижаешь, брат. Наша разработка, заслоновская. Никаких ограничений. Бета-гальваническая батарейка вечная и супернадежная, как и все, что делает наше родное предприятие. А принцип работы… — он замялся, — не знаю, не наш профиль. Я без инструкции брал.

Темнишь ты, боярин, чувствую. Вообще, «не знаю» в устах обреченного на Знание звучит странно. Значит, врет. Говорю:

— Украл что ли? Что-то я про такие разработки не слышал.

Ухмыляется:

— Позаимствовал. Сказал же, послезавтрашний день. Успею сто раз вернуть, если...

«Если ты вернешься», — услышал я недосказанное.

Костюмчик был, действительно, что надо. Легкий и прочный, он будто сросся со мной. Шлем совершенно не нарушал четкость зрения, не глушил звук, да просто не чувствовался на голове. Торчащие из него трубки Костя прижал к моей спине, и они срослись с унизаком. Сказал: это чтоб тело дышало и вентилировалось.

— И еще. Чтоб ты с пути не сбился, я в шлемак своеобразный компас встроил. Ты будешь знать, куда идти. Просто, как собака, пойдешь по запаху. Твою, кстати, идейку доработал, Сонкин скан-слепок туда забубенил. Так что не заблудишься.

При всем удобстве комбез выглядел клоунским, — пестрый, играющий радужными переливами, обтягивающий тело. Я казался себе арлекином.

Но на этом пасхалочки не закончились. Из кофра был вытащен... Черт, я даже сначала не понял: что за странный бластер — дуло тонкое, две «ручки», передняя непропорционально длинная. А главное, явно металлический, вороненый бок отсвечивал на солнце. Оружие я, честно говоря, только в играх-виртуалках в руках держал, но такого никогда не видел, чтоб не из пласта или композита. Тоже из послезавтра, что ли?

— Что за хрень? Бластер? Шеин, ты чё? На войну меня отправляешь?

Лицо его стало жестким: скулы острыми гранями, глаза серой сталью.

— Там... — он потянул многозначительную паузу, — может быть что угодно. И кто угодно. Возьмешь! Не пригодится — выбросишь. Про шмайсер слышал?

Я замотал головой.

— Старинная пукалка. Пистолет-пулемет. Стреляет свинцовыми пулями.

— Зачем такая экзотика? Прихватил бы лучевик. С ним я хоть игрался. А этот? Как он, вообще, работает?

— Нет, Платоша, бластер не годится. Его излучение можно блокировать или экранировать. Твой костюмчик способен отразить нехилый заряд. А вот пулю экранировать сложно. Против высококлассной механики не попрешь. Против лома нет приема. А как работает, я покажу.

Ликбез много времени не занял. Костя ловко разобрал машинку на составляющие, потыкал мне в нос каждой железной загогулиной. Заставил

собрать. Пальцы мои пропахли смазкой — игрушка была явно новой, прямо с заводского конвейера. Старинной, но новой. Ах, Костик, Костик, легко тебе на свете. Шаг влево, шаг вправо по временной шкале, и вот уже собрал гонца в дорогу.

— Вот, — он вытащил из кофра еще пять продолговатых железяк, — запасные магазины.

Я провел ладонями по гладкой поверхности унизака:

— Куда я их? Карманов творцы не предусмотрели.

— Предусмотрели, предусмотрели, — он оттянул ткань. Появилась дырка, вернее карманчик, — работает по принципу сумки кенгуру. Открыл, сунул, чего надо, оно затянулось. Открывается в любом месте.

Удобно-то как. Я быстро распихал магазины по «карманам». Вот бы повседневная одежда была такой. Ну будет же когда-нибудь. Хотя… Опять же все уйдет на оборонку, наверно.

— Ну, готов?

Я кивнул. В зеркало бы глянуть. Смешно, наверно — паяц с круглой безликой головой и древним шмайсером на шее. Мне было не смешно.

— Ну давай. Поехали!

***

Я моргнул, или реальность подмигнула.

Я оказался там. Где бы это «там» не находилось.

Небольшая площадь, ограниченная старыми, малость пооблупленными стенами. Под ногами крупная брусчатка, как буханки черного хлеба. Тихо и пусто. Я завертел головой. Дома узкие, в три окна, высокие треугольные крыши. Напоминает европейский городок, немецкий или голландский. Но что-то в нем чувствуется искусственное, ненастоящее. Слишком чисто, слишком пусто и тихо. Будто я не в городе, а в декорации — сейчас сверну за угол, а там фанерный некрашенный задник, подпертый корявыми необрезными досками. Единственное живое, что я чувствовал, был запах. Едва уловимый сладковатый аромат сирени неподвижно висел в воздухе. Удивительно, шлем пропускает запахи? Полностью изолирует мое тело от окружающей среды, а наночастицы, что выпускают цветочки, проходят? Не поверю. Скорее, это игры моего разума. Ну да черт с

ним, с этим псевдогородом и псевдозапахом – сориентироваться и двигать. Ну что, сработает «компас» господина консьержа? Я сосредоточился на ощущениях. Надо перейти площадь и идти по улице вправо. Работает. Я точно знаю, куда идти. Значит, я попал именно туда, куда надо. Сонка тут, и я ее найду.

Перейти площадь много времени не заняло. Улочка была узкой, раскинь руки — коснешься противоположных стен. Она полого спускалась вниз. Здесь тоже безжизненно тихо, только мои подошвы тихонько шлепали по сглаженным горбушкам брусчатки. Вдруг над головой что-то щелкнуло, будто захлопнули форточку. Вскинул голову — занавеска в окне, вроде, колыхнулась. И тут же на самом краю бокового зрения, мелькнул какой-то силуэт, будто крупная собака перебежала через дорогу. Повернулся — пусто. Я погладил шмайсер, снял с предохранителя. Почувствовал, как участилось дыхание, адреналин ударил в кровь, толкнул меня вперед. Я побежал. Лучше поторопиться. Тем более, если меня попытаются остановить.

Бежал размеренно, стараясь сохранять ритм: два шага – вдох, два шага — выдох. Придерживал оружие за рукоять, чтоб не шлепало по пузу. Улочка, перекресток, сквер, поворот — повсюду пусто. Лишь иногда промелькнет тень не в фокусе, сбоку и чуть позади. Даже не старался разглядеть, кто это, вряд ли мне понравится.

Легкий топоток за спиной. Будто множество маленьких ножек спешит. Обернувшись на бегу, вижу: метрах в десяти за мной — боевой пес, робот-боец. Две пары коленчатых крабьих конечностей мельтешат под округлым тазиком туловища, вместо клешней — пара лучевиков целит мне в спину. Сердце ухнуло вниз, попыталось спрятаться за желудком. Со страху я рванул с шеи шмайсер и дал очередь. Руки тряслись, первая порция пуль улетела черти куда, посыпалась штукатурка с облупленной стены. Задержав дыхание, дернул ствол ниже — пули ударили в «морду» пса. Что-то там хлопнуло, разорвалось, брызнув огненными стрелами, задымило. Ножки подломились, пес ткнулся в брусчатку, застыл.

И только тут я осознал, что мне повезло. Повезло, что это был робот. А если бы человек? Пусть даже тот, шестипалый, чужой. Смог бы я вот так срезать его автоматной очередью? На страхе, может, и смог бы. Жахнул бы не задумываясь, убил бы. А потом? Как бы я жил дальше с этим? Оправдывался бы перед собой самообороной. Если не я его, то он меня... Но я же выстрелил первым!

Нужно было свернуть влево, но за углом меня ждали. Здесь улица была шире, и всю ее перегораживала тройка псов. Лапки в нетерпении переступали, бластеры шевелились, ловя меня в прицел. Я попятился и в полной панике понесся куда-то, не разбирая дороги, не помня направления. Бежать! Спасаться! Прятаться!

За спиной топатало.

Но почему-то они не стреляли.

Я несся по пустым улицам, сворачивал и петлял. Выскочил на какой-то захламленный пустырь: штабеля досок, пустые металлические бочки, сваленные, как попало, перевернутые тачки, строительный хлам. С двух сторон пустырь ограничивали стены домов, с третьей — высоченный бетонный забор. Выхода не было. Заметался в поисках укрытия. Над головой прошел луч бластера — доски, за которыми я собирался спрятаться, загорелись. Метнулся к бочкам — очередной выстрел расшвырял их в стороны. Я зайцем скакал по пустырю, инстинктивно прикрывая голову руками, а вокруг взрывалось и горело. Вдруг меня здорово пнуло в спину, я покатился по земле, шмайсер слетел с шеи и отъехал куда-то в сторону. Ползя за ним, я заметил узкую щель между штабелями кирпича. Вот оно, мое спасение! Подхватив оружие, ввинтился в проход. Выглянул: псы стояли шеренгой шагах в десяти, повернув свои безглазые морды в мою сторону.

Перевел дыхание. И опять у меня появилось ощущение киношности. Псы гоняли меня, как вшивого по бане, не давали укрыться, но я получил всего один заряд. То ли он был слабым, то ли Костиков костюмчик сработал. И вот теперь я сижу за кубами сложенных кирпичей, а эти, враги мои, чего-то ждут. Игра какая-то, честное слово. Виртуалка.

Ладно, поиграем. Выбираться отсюда всяко надо. Выставив дуло над штабелем, я прицелился в среднего пса и дал очередь. Тазик туловища лопнул, клешни-бластеры разошлись в стороны и жахнули по стоявшим рядом. Все три робота смешались в горящую кашу. Выскочив из укрытия, я метнулся к выходу из тупика. Но опоздал. С улицы валила целая толпа боевых псов. Если первые были достаточно крупными особями, со здоровую овчарку или мастифа ростом, то эти походили на стаю терьеров. Мелкие, зато много. Они, не стесняясь, палили во все стороны, в том числе и в меня. Будто градом камней осыпало: в грудь, по ногам, в лицо — шлем мгновенно потемнел, накрыло ночью, и прямо перед глазами вспыхнул фейерверк. Пригнувшись, бросился обратно за свой каменный штабель.

Псы приближались — я стрелял. Они взрывались, валились на землю кучками мертвого мусора, но в проход перли новые и новые. Все мысли улетучились: давить на спусковой крючок, выбрасывать пустой магазин, вставлять новый. Вряд ли это заняло много времени. Сколько надо, чтобы расстрелять шесть магазинов? Не знаю, не считал. Закончились патроны в последнем. Палец зря нажимал на крючок. Все.

Стало тихо. Песики тоже перестали стрелять, сбились в плотную стайку.

Дадут ли они мне пройти? Попробовать? Наверняка ждут, когда я вылезу. А потом что: расстреляют меня или потащат куда-то под конвоем? Должен же здесь быть кто-то еще? Кто-то главный.

Он не заставил себя ждать. Раздался короткий смешок, и кто-то невидимый спросил:

— Наигрались?

Повертел головой, но никого не увидел. А голос, слегка надтреснутый, старый какой-то голос продолжал:

— Выходите, не бойтесь. Я вам ничего не сделаю.

Как же, дожидайся. Сейчас вылезу. Ты, может, и не сделаешь, а твои псы? Он будто услышал мои мысли: свистнул, и стая, развернувшись, бросилась в проход. Пустырь опустел.

— Ну выходите же, — в голосе прозвучало нетерпение, — не будете же вы там вечно сидеть.

Из-за горящей кучи мусора вышел дядечка, седой, но подтянутый. Спина прямая, шаг твердый. Ему бы очень подошел мундир. Любой. Сидел бы на нем как влитой. Но дядечка был одет в простенький спортивный костюм.

Я вылез, выставив перед собой шмайсер.

— Да бросьте вы свою стрелялку, все равно, у вас патроны кончились.

Он присмотрелся к моему оружию, сощурив глаза, махнул рукой:

— Гадость какая. Столько лет такого не видел. Надеялся: и не увижу. Где вы его взяли?

Я бросил шмайсер в сторону.

— И доспехи свои можете снять. Что вы паритесь в скафандре? Тут нормальная атмосфера. Я же дышу.

Сняв шлем, вдохнул. Воздух был чистым, свежим, едва отдавал озоном, как после грозы. Вокруг горело и дымило, а запаха гари не было.

Дядечка подошел и протянул руку:

— Вольфганг, смотритель.

Я стянул перчатку и пожал его сильную сухую ладонь.

— Платон Граневецкий. Мне нужна девушка. Сонка. София Жилевич.

Вольфганг пожал плечами:

— Я догадался. Удивился бы, если вы потребовали парнишку. Пойдемте, я покажу их вам.

Он двинулся прочь, я за ним. Шлема на мне не было, чувствовать направление я не мог, но был уверен: он ведет меня к Сонке.

Прошли мы немного. Город сдвинулся, пошел рябью, стёк — недаром он казался мне декорацией. Мы с Вольфгангом оказались в темноте. Впереди светились две звездочки. Казались крохотными, далекими, но пара шагов, и большие, исходящие белым светом шары уже рядом. С расстояниями здесь беда, растягиваются и сжимаются, как угодно. Интересно, кому угодно? Этому дядечке Вольфгангу, аттестовавшемуся непонятной должностью «смотритель»?

— Почему два? — я имел в виду световые шары.

То, что Сонка там, внутри, я как-то понял. Но что или кто второй?

Смотритель хмыкнул несколько презрительно, дескать: экий ты дубина, Платон Граневецкий, все тебе разжевать надо.

— Там, — указал вправо, — ваша девушка. Она спит. Можно сказать, что спит и видит сны. Она проживает тысячи жизней, одну за одной. Рождается, растет в любящей семье, взрослеет, влюбляется, выходит замуж, рожает своих детей, любит их, стареет, внуков воспитывает, умирает, окруженная домашними. И снова рождается. Одна реинкарнация за другой. Бесконечно. Она счастлива. А там, — рука качнулась влево, — ее партнер. Хороший паренек. Мир Любеч, его звали. Мирко. Второй ретранстлятор. Женщина не может быть одна. Нужен мужчина. Инь и ян. Чтобы сплести сеть любви и счастья, нужны двое.

Кольнуло. Даже не «ретранслятором», вот этим словечком — «звали». Глагол прошедшего времени. Для него, для Мира Любеча все в прошлом, даже имя. И для Сонки.

Я шагнул вперед.

***

— Настройки очень тонкие, не стоит подходить ближе, — он попытался удержать меня.

Но я сделал пару шагов. Сияние колыхнулось, стало прозрачнее. И я увидел внутри светового кокона девичью фигурку. Обнаженное тело свернулось в самой удобной человечьей позе — позе эмбриона. Колени подтянуты к подбородку, голова склонилась к плечу. Тонкую ключицу пересекала ниточка голубых бус. Сонка. Глаза ее были закрыты, губы слегка улыбались. Так улыбается ребенок сквозь сон, дарующий радость. Сияние, обнимающее девушку, колыхнулось еще раз и медленно налилось сиреневым.

— Она среагировала на вас, — смотритель встал за моим плечом, — уровень счастья поднялся выше ординара. Теперь вы войдете в ее сны на добрую сотню перерождений. Вы станете ее любимым, мужем, сыном. Свое счастье она будет транслировать на все человечество. Да вы и сами уже все знаете, не правда ли, хранитель?

Да. Я знал. Знание накрыло меня. Оно не рухнуло давящей глыбой, как это случилось с несчастным боярином Шеиным, распятым опричниками. Оно пролилось ливнем и наполнило меня живительной влагой. Так пустой кратер наполняется водой, и серый мертвый маар[10] становится озером, бирюзовым от отраженного в нем неба.

Я пожал Вольфгангу руку и ушел. Открыл портал и шагнул на набережную Нового Света, залитую теплым солнцем бархатного сезона. В первой попавшейся цветочной лавочке я договорился, чтобы каждые три дня у пятьсот десятой ячейки городского колумбария выкладывали свежую ветку сирени. Потом, прихватив с собой букет фиолетовых соцветий, пошел на кладбище. Присев на край фонтана, что печально журчал во дворике колумбария, я смотрел на голограмму Сонки, прощался. Больше я сюда не вернусь.

Сонке и Миру, этим двум звездочкам, эмбрионам новой земной эпохи, светить века и века, пока люди не качнут свою лодку в сторону обычных человеческих ценностей, нынче подрастерянных и пренебрежительно отвергаемых. А мне ходить по земле, хранить ростки новой жизни — тонкие стебельки здравого смысла, любви, материнской заботы, родительской опеки, проросшие сквозь игры с гендерами, отрицание биологической составляющей человека, трансгенные эксперименты. И прочее, и прочее, что напридумывал наш «гений», безумный разум, не справляющийся с собственным могуществом.

Как я буду это делать? Ну это уже секрет профессии. Моей новой профессии хранителя.

[1] Изображение моделирования проходимой кротовой норы, соединяющей площадь перед физическими институтами Тюбингенского университета с песчаными дюнами вблизи Булонь-сюр-Мер на севере Франции. Изображение рассчитано с помощью четырёхмерной трассировки лучей в метрике червоточины Морриса —Торна, но гравитационное воздействие на длину волны света не было смоделировано.
https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/4/45/Wurmloch.jpg

[2] Искин — искусственный интеллект.

[3] Антон Цайлингер — австрийский физик, известный своими пионерскими работами в области квантовой информации и впервые осуществивший квантовую телепортацию с использованием фотонов. Лауреат Нобелевской премии по физике (2022). Ознакомиться со статьями А.Цайлингера можно здесь: https://www.researchgate.net/scientific-contributions/Anton-Zeilinger-38798868

[4] Алиса и Боб — так физики по традиции называют партнеров, находящихся на двух концах квантовой линии связи.

[5] Reviews of Modern Physics — один из самых популярных научных журналов по физике. https://www.elibrary.ru/title_about.asp?id=22948

[6] Балестра — прыжок вперед перед выпадом, фехтовальный термин.

[7] Prize-de-fer — движение для удержания клинка противника, фехтовальный термин.

[8] Coulé — скользящий финт, фехтовальный термин.

[9] Toucher — укол, касание, фехтовальный термин.

[10] Маар — относительно плоскодонный кратер, окружённый невысоким валом из рыхлых продуктов извержения.